

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 72

Анташкевич Евгений Михайлович.

А72 Харбин: роман / Евгений Анташкевич. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 768 с.

ISBN 978-5-17-122673-2

«Харбин» — классический русский роман, многоплановый и многослойный, густонаселенный, развивающийся на протяжении длительного времени.

Мы немного знаем про Дальний Восток вообще и про Харбин в период между Гражданской и Второй мировой. А там происходили такие события, в которых принимали участие разведки практически всех ведущих стран мира.

Главный герой романа — офицер барон фон Адельберг пытается вернуться в китайский город, ставший на несколько десятилетий русским, и оказывается в тисках между «золотой казной» Российской империи и замыслами советской и японской разведок.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-122673-2

© Анташкевич Евгений Михайлович, текст, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

**КНИГА
ПЕРВАЯ**

Я думала, Россия — это книжки.
Всё то, что мы учили наизусть.
А также борщ, блины, пирог, коврижки
И тихих песен ласковая грусть.
И купола. И тёмные иконы.
И светлой Пасхи колокольный звон.
И эти потускневшие погоны,
Что мой отец припрятал у икон.
Всё дальше в быль, в туман со стариками.
Под стук часов и траурных колёс.
Россия — вздох.
Россия — в горле камень.
Россия — горечь безутешных слёз.

*Ларисса Андерсон,
харбинская поэтесса*

Если укреплять своё сердце решимостью
каждое утро и каждый вечер,
человек сможет жить так, словно тело
его уже принадлежит Вечности, Путь
будет для него свободен.

*Ямамото Цунэтомо
(Бусидо, кодекс чести самурая)*

...Так души смотрят с высоты
На ими брошенное тело!..

Ф.И. Тютчев

Степан Фёдорович Соловьёв поднялся по ступенькам просторного холла управления и протянул прапорщику паспорт. Стоявший на расслабленных ногах прапорщик взял, среди бумажек на столе выбрал заказанный пропуск — и вдруг зацепился взглядом за широкую, в две ладони, орденскую колодку Соловьёва и распрямился:

— Проходите, пожалуйста! — козырнул он. — А что в такую рань, товарищ полковник? Не спится?

— Бывший полковник, знаете ли... старая привычка, я уже много лет встаю рано... И акклиматизация даёт о себе знать, с Москвой всё же семь часов разница...

— А бывших у нас не бывает, товарищ полковник! — сказал прапорщик и заулыбался. — А по поводу акклиматизации, конечно, знаю, сам летал, а потом мучился!.. Проходите.

Степан Фёдорович посмотрел на прапорщика, поблагодарил и пошёл налево к лифту: «Разговорчивый! Застоялся! Небось за всю ночь ни с кем словом не перекинулся!»

Вчера вечером полковник Соловьёв прилетел из Москвы по приглашению Совета ветеранов на празднование семидесятилетия Хабаровского краевого управления КГБ. У самого трапа его торжественно, с цветами встретили молодые сотрудники. В гостиничном номере Степан Фёдорович только-только успел разложить немногочисленные вещи и ополоснуть лицо, как зазвонил телефон. «Литерный, что ли? — Он усмехнулся. — Да нет, меня-то чего слушать, тем более одного?»

Он снял трубку:

— Слушаю!

— Степан Фёдорович, извините за беспокойство, я подумал, что минут пятнадцать — двадцати вам хватит, чтобы распаковать-

ся и привести себя в порядок. Вы потом могли уйти в город, вы же местный, хабаровский, поэтому я решился вас побеспокоить! — Голос в трубке был молодой и очень громкий.

— Хорошо, хорошо, — Степан Фёдорович немного отстранился, — беспокойте! Только представьтесь!

— Ой, извините, это я только что встречал вас в аэропорту, я Евгений Мальцев, лысеватенький такой...

Степан Фёдорович вспомнил, что среди встречавших был один такой — разговорчивый и весёлый.

— Слушаю, Евгений... как вас по отчеству?

— Да можно просто Женя!

— Слушаю вас, «просто Женя»! — Соловьёву стал нравиться задорный голос позвонившего.

— Степан Фёдорович, вы меня извините, когда мы ехали в машине и вы узнали, что я из Москвы, как-то разговор невольно перешёл на меня, и не очень удобно было...

— Помню, мне, хабаровчанину, стало любопытно, как ты, москвич, сюда забрался, в такую даль?

— Да! Так вот, мне неудобно было вас перебивать, а вы просили кое-что по архивам... Мы нашли. Так что, если вы не особенно устали, можно было бы посмотреть...

— Ты имеешь в виду прямо сейчас?

— Нет, сейчас, — в трубке замялись, — вы, наверное, хотите отдохнуть или прогуляться по городу...

Соловьёв не дал ему договорить:

— Да, Женя, ты правильно рассуждаешь, давай завтра! Я действительно немного устал, поэтому сегодня — мэй ёу фанцзы! Хорошо?

— Что? Как вы сказали?

Соловьёв на секунду задумался.

— Нет, нет, ничего! Давай завтра!

— Ну конечно, Степан Фёдорович! Тогда до завтра! Отдыхайте! Я вас утром побеспокою!

Соловьёв попрощался, положил трубку и повернулся к окну.

Окно его одноместного номера в гостинице «Центральная» выходило на площадь Ленина, он её помнил с детства ещё немощёной. С четвёртого этажа было хорошо видно, как, теснясь около плескавшегося струями нарядного фонтана, в мареве сгустившейся за день жары медленно гуляли, будто плавали, хабаровчане с детьми. Там же, рядом с большими стендами, увешанными фотографиями, сидели ленивые, разморённые солнцем фотографы с массивными

аппаратами, свисавшими между колен толстыми чёрными объективами.

Номер был тесный и душный, но Соловьёв не стал открывать форточку, чтобы не налетели комары, а ещё хуже мошка, которая летом — так в Хабаровске было во все времена — не даст продыху. Только что был тяжёлый перелёт, целых восемь часов... и возраст — уже далеко за семьдесят... Стало побаливать сердце; Степан Фёдорович вынул из пакетика таблетки, которые положила ему жена, и не глядя сунул одну под язык.

* * *

Утром он проснулся рано, на часах было около пяти, он понял, что больше не заснёт, оделся и вышел.

Город ещё только розовел в рассветных лучах, солнце поднималось из-за спины, из-за здания гостиницы, поэтому дома напротив, через площадь: Высшая партийная школа и недавно построенная, облицованная белым мрамором городская больница — стояли наполовину закрытые тенью. Степан Фёдорович любил эти ранние часы, эту нежную, без озноба прохладу только что ушедшей ночи и это небо, синее и бесконечное.

Он оглянулся, от гостиницы, на ступеньках которой он стоял, налево и направо расходилась похожая на коромысло, разделённая площадью надвое, улица Пушкина: налево она спускалась к Уссурийскому бульвару, когда-то там тонким ручейком протекала речка Плюси́нка и на берегу стоял его дом; направо она тоже спускалась, уже к Амурскому бульвару, там тоже когда-то протекала тоненькая речка, называвшаяся Черды́мовка.

Степан Фёдорович посмотрел налево и увидел свой дом — кирпичный, красно-коричневый, крепкий, такой же, как и был, только не стало деревянной лестницы, когда-то он по ней бегал. К дому можно было подойти, но что-то внутри подсказывало: «Не надо! Там уже всё чужое!»

Он постоял на крыльце ещё секунду и пошёл на площадь.

Перед самым вылетом из Москвы Степан Фёдорович подумал — узнает он город или не узнает: «Может — узнаю, а может, и нет! А может — город меня не узнает! Мэй ёу фанцзы! Их-ху мать!»

«Узнаю?! — думал он сейчас. — А сколько я тут был? Родился, крестился, учился... потом в Москву, в начале тридцатых! Потом снова сюда — в сорок пятом. А потом? А потом Китай, Харбин! А потом нас оттуда поперли, то ли в пятьдесят седьмом, то ли в пятьдесят

восьмом? Когда нас из Харбина-то попёрли?.. — Он на секунду остановился около фонтана, в котором в это раннее время ещё не включили воду. — Вот, кажется, в пятьдесят восьмом и попёрли. После этого год здесь сидел — отписывался!»

Большая асфальтированная площадка перед управлением на Волочаевской была пустая, стояли три дежурные машины: светлосерая «Волга» ГУВД, уазик управления особых отделов Краснознамённого Дальневосточного военного округа с чёрными военными номерами и чёрная «Волга» УКГБ. Прапорщик, несмотря на раннее время, впустил и даже не стал звонить и спрашивать разрешения у дежурного.

Старый железный лифт с узорчатой дверью одиноко прогромыхал на пятый этаж по всей вертикали пустого и тихого управления; Соловьёв вышел из кабины, забыл придержать тяжёлую дверь, и та оглушительно бабахнула: «Чёрт бы тебя побрал, старый хрен, сейчас ещё дежурного разбудишь! Потом будет жаловаться!»

По скрипящему паркету пустого, гулкого коридора он прошёл в левое крыло, туда, где находился кабинет сотрудника разведподразделения Хабаровского управления Евгения Мальцева; посмотрел на старую эмалированную дощечку на двери «555» и вытащил из-за верхней притолоки ключ.

В узком высоком кабинете, куда он вошёл, стояли три рабочих стола и три сейфа; он огляделся и увидел слева большую, даже огромную, во всю стену, от потолка и до пола, от входной двери и до самого окна карту:

«СССР и прилегающие территории»

«Ты смотри какая!.. — Соловьёв подошёл и задрал голову. — От Северного полюса и до... — он опустил голову, — Бомбея и Калькутты. — Потом посмотрел слева направо и справа налево: — Надо же! От Англии и до Японии!..»

Карта смотрелась очень красиво — яркими красками рельефно изображены горы, реки, озёра и леса и тонкими, почти незаметными красными линиями только-только обозначены государственные границы. Степан Фёдорович был приятно удивлён и несколько минут стоял и любовался. Ему нравилось, что границы на карте помечены едва заметно и не мешают, поэтому можно было, как бы не нарушая их, перемещаться по всей Европе

и Азии куда хочешь, в любом направлении, хоть целыми племенами и народами.

«И название правильное: «Эс-Эс-Эс-Эр и прилегающие территории!» — с улыбкой подумал он, повернулся и на противоположной стене увидел другую карту, на которой в правом верхнем углу было написано:

**«Карта Северной Маньчжурии.
Издана Экономическим бюро КВЖД
1926 год».**

Она была меньше, но тоже большая и не цветная — Соловьёв подошёл ближе, — но и не чёрно-белая: бумага, на которой тушью были нарисованы города, дороги, водные пути, телеграфные линии и многое другое, уже утратила белизну; от старости она приобрела мягкий оттенок слоновой кости и поэтому больше напоминала древний, пропитанный временем пергамент.

Степан Фёдорович смотрел, и ему стало казаться, что карта эта ему знакома, что он её когда-то уже видел. Он был в кабинете один, но на всякий случай оглянулся, вытащил кнопку, крепившую нижний край к стене, и заглянул на оборотную сторону. Нет, он не мог её видеть — на обороте, на старой, уже ставшей ломкой марле, на которую были наклеены листы, стоял выцветший фиолетовый прямоугольный штамп «УНКВД ДВК» с регистрационным номером за 1946 год. Эта карта могла попасть в управление с трофеями, а в 46-м он уже работал с китайскими коммунистами там, в Харбине, и вообще к трофеям не имел никакого отношения. Чуть выше штампа он обнаружил резолюцию «Уничтожить», написанную толстым синим карандашом, и рядом неразборчивую, витиеватую закорючку подписи.

Да, в сорок шестом он точно работал в Харбине и то ли её видел, то ли не видел, но что-то такое от неё исходило...

— Степан Фёдорович! Вы уже здесь?

Соловьёв вздрогнул и обернулся, в дверях стоял запыхавшийся Евгений Мальцев.

Степан Фёдорович посторонился, уступая ему место в узких проходах между столами:

— Да, Женечка! Спасибо тебе! Ключ я нашёл, как договорились. А ты что же так рано? Почему не дома?

— Да вот, Степан Фёдорович, я сейчас с дочкой один кукую, жена в больнице на сохранении. — Вошедший молодой человек неболь-

шого роста, с улыбочивым круглым лицом и ранней лысиной переводил дыхание. — Бегал за питанием в молочную кухню.

— А сколько дочке? — поинтересовался Степан Фёдорович.

— Годик с небольшим. Замотался я с ней, надо кормить, поить, спасибо соседке, что помогает.

— Молодая соседка? — поинтересовался Соловьёв.

— Да! — удивлённо ответил Мальцев.

— Так беги домой! Корми и пои, а то ей, бедняжке, и пописать будет нечем, я имею в виду дочку!

Мальцев прыснул:

— Хорошо, спасибо, Степан Фёдорович! Вот архивные дела, — Мальцев вытащил из сейфа две папки, — а я пошёл?

— Постой! — остановил его Соловьёв. — Откуда это? — Он показал на карту Маньчжурии.

— А-а-а! Я знал, что вам понравится, а есть ещё одна, карта Харбинá тридцать восьмого года издания, на русском языке, со всеми русскими названиями, эмигрантская, хотите, покажу?

«Харбинá» Мальцев произнёс с ударением на последний слог.

— Да? А где ты их добыл?

— Архивные, точнее, трофейные! Эта, — он показал на карту Маньчжурии, — досталась мне от моих предшественников, старших коллег, а харбинскую я сам откопал.

— Вот как? — удивился Степан Фёдорович. — Ну давай, показывай!

Мальцев полез в нижний ящик стола, вытащил сложенную карту, начал разворачивать, но Степан Фёдорович его остановил:

— Вот что, молодой человек! Эдак ты дочь-то голодом заморишь, мы тут до вечера не закончим. Я вижу, ты ко всему этому тоже с интересом!

Мальцев согласно пожал плечами.

— Ты мне это всё оставь, а сам беги, потом обсудим, а то и соседке, сам понимаешь... — Степан Фёдорович многозначительно сдвинул брови, — будет нечем! Мэй ёу фанцзы!

Мальцев снова прыснул:

— Как вы сказали — «мэй ёу фанцзы»? А что это?

— Потом объясню, беги!

«Оперок! Хороший оперок, — подумал он, когда Мальцев вышел. — Были когда-то и мы!..»

Соловьёв взял за стул, сел, сдвинул на край чёрную, на изогнутой шарнирной ноге настольную лампу и начал разворачивать эмигрантскую карту Харбина: «Харбинá! Правильно! Ударение на

последний слог!» Он стал её рассматривать, водил пальцем по линиям улиц, читая знакомые названия: «...Артиллерийская, Казачья, Диагональная, Виадук, а вот Больничная, на ней была миссия, Большой проспект...» — и снова, как бы в подтверждение, почувствовал, что обе — и та, что висит у него за спиной, и эта — на столе, — в его руках уже были.

«Ладно, это карты, а что ещё нам приготовили?»

На столе одна на другой ровненько лежали две папки: он взял верхнюю, тонкую, когда-то она была нежно-голубого цвета, но выцвела и от множества фиолетовых штампов приобрела архивный вид. На обложке от руки печатными буквами было выведено:

**УНКВД СССР по Хабаровскому краю.
Спецотряд № 16.
Контрольно-наблюдательное дело
«Императорская японская военная миссия»
г. Харбин. Маньчжурия.
Сотрудники.
Капитан Коити Кэндзи.
Том № 38.
1946 г.**

Он хмыкнул: «Коити Кэндзи! Ну-ну! Интересно!» — он отложил эту папку и взял другую, толстую, увесистую, бурого цвета, на её лицевой стороне тоже была надпись фиолетовыми чернилами:

**Дело
оперативной разработки
«Патрон».
Том № 1.**

**Начато: 1922 г.
Окончено: 1946 г.**

«Патрон»! Вот это да! Вот это, точно, молодцы!»

Степан Фёдорович развязал тесёмки, открыл, и из-под обложки выпорхнул небольшой листок; он чуть было не слетел со стола, и Степан Фёдорович прихлопнул его ладонью. Листок был из настольного календаря со следами двух оборванных дырочек; Соловьёв прочитал:

1938 год.
23 февраля.
Среда.
День Рабоче-крестьянской
Красной армии
и флота.
20-я годовщина.

И ниже мелким шрифтом: «Восход солнца... заход... продолжительность дня...» Соловьёв с удивлением перевёл взгляд на папку — на ней значился год 1946-й.

«Откуда же ты такой вылетел? Из тридцать восьмого!»

Он положил листок на стол, снова посмотрел на папку и медленно откинулся на спинку стула.

«Патрон! Вот так так!»

Соловьёв почувствовал, как в груди что-то шевельнулось, что-то тяжёлое, ему стало трудно дышать, он удивился и подумал: «Ах, этот чёртов перелёт!» Его лоб и щёки покрыла холодная испарина, во вспотевшей ладони оказалась гильза с нитроглицерином; он положил таблетку под язык и начал рассасывать; через несколько секунд по телу пошла горячая волна, немного замутила голову и сошла; для верности он посидел ещё несколько минут, встал и вышел из кабинета. Медленно, давая возможность успокоиться сердцу, он пошёл в дальний конец коридора, к лестничной площадке с большим окном и боковым лифтом, который он помнил и который почему-то, как ему казалось, никогда не работал. Через окно был виден кусочек синего утреннего Амура и в белёсой дымке — дальние сопки Хехцёра.

«Патрон!» Не ожидал! — подумал он. — Александр Петрович! Барон фон Адельбёрг! Как же вы долго, Александр Петрович, пылились в архиве...»

Он постоял, подождал, пока успокоится сердце, и вернулся в кабинет.

За первыми ветхими страницами: «Опись документов», «Список лиц, знакомившихся с делом» и «Постановление о заведении дела» — была подшита «Анкета»:

«Патрон

Фон Адельберг Александр Петрович, барон.

Год рождения — 1885-й.

Место рождения — г. Митава.

Происхождение — потомственный остзейский дворянин...»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Паровоз окутался дымом и паром, завыл тормозами и загремел сцепками; короткий, из нескольких вагонов эшелон задрожал и остановился. На перроне, с винтовками наперевес, стояла плотная шеренга солдат чешского легиона.

— Что это может быть, Александр Петрович?

— Точно не знаю, Михаил Капитонович, но, судя по всему...

— Прикажете выяснить?

— Нет, поручик, я сам. Распорядитесь по составу «В ружьё!».

С подножки вагона соскочил офицер в полковничьих погонах русской императорской армии и, придерживая шашку, быстрым шагом пошёл к группе стоявших у входа в здание заиндевелога деревянного вокзала чешских офицеров.

— Литерный эшелон Верховного! Почему остановили? — обратился он. — Кто старший?

Один из офицеров вышел навстречу и взял под козырёк.

— Поручик Гáнка! — с лёгким акцентом представился он, потом потупился и тихим голосом добавил: — Приказ начальник 3-й чешский дивизия полковник Прхал, пане полковник! Вам приказ отдать паровоз и эшелон для конфискация под моя охрана и сдать оружие.

— Как приказ? Какой приказ? Я полковник барон фон Адельберг! Повторяю, поручик, это литерный эшелон Верховного! — Он схватился за шашку, но в этот момент чехи захохотали затворами и стало ясно, что сопротивляться бесполезно. Полковник бросил шашку и револьвер на перрон и, сопровождаемый двумя легионерами, вошёл в здание вокзала. Когда он проходил мимо чешских офицеров, то за их спинами с удивлением увидел смуглое, скуластое, раскосое лицо, почти полностью зарытое мехом огромной шапки.

«И эти здесь!»

Утром третьего дня арестованный чехами полковник Адельберг обнаружил, что ему не просунули баланду и замок с внешней стороны не просматривается; он пнул дверь и вышел. Каталажка оказалась самодеятельная: под неё было приспособлено пустое помещение, вроде дровяника, примыкавшее к залу ожидания и имевшее свой вход. Полковник вышел на свет и оказался на деревянном перроне. Первые пути, нечётные, как и позавчера, когда чехи остановили его эшелон, были пустые. На чётных стоял и подпускал струи пара защищённый большими бронированными листами паровоз с двумя платформами. К платформам гуськом шли чешские солдаты с тяжёлыми мешками с песком и укладывали внутри вдоль бортов. Между мешками верхнего ряда обустраивали бойницы, на ближней к паровозу платформе уже установили пулемёт системы «Максим» и водили его тупым рылом: правее, левее, вверх, вниз.

«Просматривают зону обстрела, союзнички!» — подумал Адельберг.

— Эй, пане-господине! — услышал он насмешливый голос. — Не надо шевелиться, я на тебя буду прицел брать!

С платформы послышался смех, и солдаты с мешками остановились. В это время тихо и поэтому неожиданно по нечётному пути к перрону приблизился другой паровоз, который тянул ещё две платформы. Паровоз поравнялся с бронированным и дал свисток, бронированный ответил, и паровоз покатил платформы дальше.

«Маневровый! Ещё платформы к бронепоезду!»

После нескольких суток заточения глаза Адельберга отвыкли, но постепенно привыкали к тому, что светит солнце и что-то движется.

За маневренным вплотную подошёл следующий эшелон, из его первой теплушки выскочил маленького роста офицер с длинной полицейской саблей; поскользнулся на наледи, устоял и на чешском языке заорал вдоль теплушек, насколько Адельберг смог разобрать, чтобы никто не выходил и что через несколько минут «вак» пойдёт дальше.

Крик чешского офицера ударил в уши.

«Чёрт возьми! Чего я стою? Мало общался с чехами? Надо смаывать удочки, пока не поздно; за два дня не расстреляли, так сейчас быстро наверстают! — Он оглянулся и увидел в нескольких шагах от себя дверь, которая вела в помещение станции. — Но прежде надо найти телеграф!» В этот момент дверь открылась, из неё вышел мужчина в фуражке и шинели железнодорожного служащего, Адельберг шагнул к нему, но тот оглянулся и свернул за угол, будто убегал. Адельберг удивился и вошёл в маленькую залу. Слева было

окно кассы: через довольно чистое стекло он увидел, что контора пуста, а на столе у окна стоит телеграфный аппарат с большими бобинами, с которых ленивыми гирляндами свисает узкая бумажная лента: бобины не вращались, аппарат не издавал привычного стука, и бумажная лента не вздрагивала.

«Не работает! Выключен! Оборвана связь!» — пробежало в голове, и он понял, что с этой станции он не сможет связаться со ставкой Верховного.

«Железнодорожник, тот, что сейчас вышел, — подумал он, — наверное, и есть кассир, начальник и телеграфист!»

Он обвёл взглядом залу и увидел справа в углу рядом с высокой, от пола до потолка, чёрной чугунной печкой, обогревавшей вокзал и его недавнюю тюрьму, большой железный бак, на котором на цепи болтался блестящий мокрый деревянный резной черпак. От бака, из темноты угла, к нему шагнул высокий плотный мужик в чёрном и, как показалось Адельбергу, странном тулупе — коротком и без рукавов; мужик утёр раскрытой ладонью губы и спросил:

— Своих шукаешь?

«Ничего себе!» — подумал Адельберг, шагнул назад и невольно потянулся рукой к кобуре.

— Не хапай, ваше благородие, — мужик махнул рукой, — пустая она! Твою пистоллю чехи прихватили и сабельку тож...

Мужик появился из темноты как чёрт из табакерки, всё произошло в несколько секунд: пустой зал ожидания и пустая билетная касса, неработающий телеграфный аппарат и этот...

— Своих шукаешь, ваше благородие? — снова спросил мужик.

— Что? — Адельберг прокашлялся, голос ему изменил: почти двое суток в каталажке он молчал и сейчас почувствовал, что его голос как будто бы и не его.

— Ты, ваше благородие, пытай, чего пожелаешь, я на этой станции уже три дни! — Мужик остановился и приосанился. — А можа, есть чем на чё поменяться? А я хлебушком ссужу али рыбкой сушёной! С Байкала я! — Его предложение прозвучало неожиданно. — Сюды прибёг мануфактурой разжиться али ишо чем городским, дык вот, застрял...

— Чем же ты можешь у меня разжиться, мил-человек? — прокашлявшись, спросил Александр Петрович. — У меня и есть только то, что на мне!

— А и то хорошо, что на тебе! — Мужик сдвинул шапку на затылок и огладил смоляную, без единого седого волоса бороду. — Эвон кака шинелишка добрая, царского сукнеца... Вот только совет тебе

дам, ты погоны-то да кокарду сыми, чехи тебя уже не тронут, а красные не сѣдни к вечеру, так завтра к утру будут туточа. Как ты вышел из каталажки, так снова туды и угодишь, а то и того дале!

Мужик держался по-свойски, по-хозяйски и говорил уверенно.

— А ты знаешь, что я был в каталажке? — спросил Адельберг.

— Так об том на станции все знают! Ты ж казну вѣз, даром тока чехи её забрали, нужда у них была в паровозе, ихний-то красные повзорвали, а получили — вот те нате — и паровоз, и казну...

«Однако быстро тут новости распространяются!» — подумал Адельберг.

— ...А как власти здесь окажутся, особливо ежели красные, так сразу к тебе с распросами, уж точно, что про казну! Придѣтся ответ держать!

Это было похоже на правду: здесь, между Нижнеудинском и Иркутском, никакой власти, судя по всему, пока не было, но уже не загадка, какая будет. Стало понятно, почему убежал тот железнодорожник, который сам себе и телеграфист и начальник станции.

«Да, значит, здесь я телеграфом не воспользуюсь! А вот я спрошу...»

— Если ты про меня знаешь, так, может, и про моих людей знаешь?

— Как не знать? Подалися все на восход, на Иркутск, а можа, и дале, энтого знать не могу!

— С ними был офицер!

— Усатенький такой! Был! Сорокиным, по-моему, кличут, иль не Сорокиным, птичья кака-то фамилия, точно не упомянул, белобрысый, как не быть? И росту моего. Он было по первости за сабельку-т схватился и даже замахнулся на кого-то, когда тебе руки заломали, дак его хотели в расход пустить, а послая отпустили... и солдат твоих... а чего отпустили, не ведаю, я ихних разговоров не слышал.

«Правильно, — подумал Адельберг, — Сорокин, и «росту» действительно твоего!»

— Отпустили, говоришь, Сорокина?

— Отпустили!.. — Мужик хотел добавить что-то, но Адельберг неожиданно перебил его:

— А кожушок на тебе странного фасона или не по размеру пришѣлся?

— Да нет! — Мужик вдруг смешался, опустил голову и стал переминаться с ноги на ногу.

«Украл, наверное, и сейчас будет оправдываться!» — подумал Адельберг, ему почему-то захотелось сбить этого странного человека с того уверенного тона, который тот задал с первого своего слова.